

Гадальщики. Чешская народная сказка

В одной деревне жили в батраках два приятеля: Янда и Сверчок. Проработали они уже несколько лет. Как-то раз Янда говорит Сверчку:

– Плохое, брат, наше житье. Вечно нами помыкают, бранят да ругают за всякий пустяк; случись у хозяина какая неприятность – всегда срывает свою злость на нас. Что толку батрачить? Лучше жениться. Женишься, будешь сам себе хозяин – ложись, когда захочешь, вставай, когда вздумаешь!

– Правильно говоришь, брат! – поддакивает Сверчок. – Лучше женюсь и будем вольными.

Раззадорили они так-то друг друга, присмотрели себе невест, и дело стало только за господским разрешением да церковным благословением. Устроилось и это, и вскорости состоялись две шумные свадьбы.

Не житье у них стало, а масленица: ешь-пей досыта, что вздумаешь; хочешь – спи, хочешь – лежи, хочешь – вставай. Но во всяком положении есть и свои радости и свои заботы. Через год приятели снова встретились и стали рассказывать друг другу про свое житье. Янда говорит:

– Ох, брат, хоть нам прежде и плохо казалось, а выходит, в батраках-то лучше жилось. Взять хотя бы харчи: харчи, бывало, хозяин, вынь да положь, а нынче самому добывать надо. В батраках-то я и одежду получал, а что деньгами платили, то в трактире пропивал да на курево тратил. Теперь мы сами себе хозяева – оно-то хорошо, да что проку с хозяйства с этого, раз приходится и о жене и о ребенке заботиться, а в нашей деревне много не заработаешь. Не будет, видно, с этого никакого толку, лучше пойдем опять наймемся на работу, только уж не здесь. Здесь-то нас засмеют – вернулись, скажут, обратно, когда им плохо пришлось. Давай пойдем туда, где нас не знают.

– Правильно, брат, говоришь, – поддакнул Сверчок, – только, знаешь что – сперва надо нашим женам сказать.

Так и сделали. Сказали женам. Жены боялись дать согласие, но мужья все им растолковали, жены и согласились. Не только ергласились, а еще и подорожников напекли. Отправились дружка в путь.

Пошли, а куда – и сами не знают. Прежде-то они мало где бывали, а потому и не знали, в какую сторону путь держать, и пошли наобум. Зашли в большой лес, исходили его вдоль и поперек, а выбраться никак не могут. Свои пироги они еще прежде поели, и сильно мучил их голод. Наконец, застала их в этом лесу темнота. «Ну-ка, разок и я посоветую», – решил Сверчок и говорит:

– Нельзя нам здесь ночевать, брат Янда. Вдруг нападет на нас какой-нибудь зверь. Мы с тобой устали с дороги, ослабели от голода, сожрет он нас. Ты, братец, хорошо по деревьям лазай – влезь-ка да погляди, не светится ли где огонек.

Хоть Янда еле-еле на ногах держался, все же как мог вскарабкался на дерево и стал зорко оглядываться по сторонам. Долго о« искал, наконец заметил вдали огонек и крикнул Сверчку. Сверчок и говорит:

– Запомни хорошенько, братец, в какой стороне огонек светится!

Янда слез с дерева, и они побрели в ту сторону, где он заметил огонек. Шли, шли, пока, наконец, не увидели этот огонек, хотя еще и очень далеко. Тут они прибавили шагу и поспешили туда.

Приходят к какой-то избушке, огонь еще горит. Стали стучать в дверь. В избушке была только старая бабушка. Открыла; стали они просить: пустите, мол, переночевать. Она впустила их, сейчас же принесла миску, накрошила хлеба, полила кипяченым молоком и велела им есть.

Они поели и рассказали старухе, что живут, мол, в большой нужде и идут искать работу. Старуха говорит:

– Если хотите, оставайтесь здесь. У меня есть корова, один будет пасти ее, а другой – навоз из хлева выбрасывать. Кормить вас я буду хорошо, да еще заплачу по заслугам.

Приятелям понравилось: работа пустяковая, харчи, видать, не плохие, да еще и заплатит; они пообещали, что останутся работать.

На другой день Янда пошел пасти корову, а Сверчок остался дома выкидывать навоз. Как только Янда вывел корову на пастбище, она сейчас же дала стрекача и потащила его по полям и по межам. Чем сильнее Янда удерживал корову, тем шибче она бежала. Умаялся он вконец, рад бы отпустить корову, да боится, что она вовсе удерет. Выбивается из последних сил и бога молит, чтобы солнце скорее село. «Хорошо, думает, Сверчку навоз там кидать, небось давно выбросил и полеживает в тенечке; но погоди, парень, завтра ты погонишь корову, а я буду кидать навоз».

Пока Янда пасет, посмотрим, отдыхает ли Сверчок. Как только Янда увел корову со двора, Сверчок решил: «Выброшу навоз, а потом отдохну». Кидал, кидал, а навозу все не убывает; уж и завтрак прошел и обед, а навозу все столько же. Трудится Сверчок, потом обливается и думает: «Господи боже мой! Что за напасть! Хорошо Янде пасти; но завтра пусть он кидает навоз, а я поведу корову». Стараются он из последних сил. Хочет выбросить весь навоз, прежде чем Янда пригонит корову. Весь мокрый как мышь сделался. Не успел кончить – слышит: Янда с коровой мчится. Сверчок отложил вилы в сторону и сидит как ни в чем не бывало.

– Ну, как дела, брат? – спрашивает Янда.

– Ох, братец! – отвечает Сверчок. – Давно уж разделался я с этим навозом. Уж лежал я, лежал в холодке, выпался, надоело даже. Завтра я поведу корову, а ты, если хочешь, оставайся дома. Я тут соскучился без работы.

Янда с радостью согласился.

За ужином ни тот, ни другой не могли есть, уж очень устали. Янда говорит:

– Что ж ты, брат, не ешь ничего? Ешь, на меня не оглядывайся, я сыт. У меня с собой еды много было, да еще пастухи мне груш и яблок надавали.

А на самом деле Янда свой обед потерял, когда корова таскала его по полю. У бедняги за весь день ни крошки во рту не было, но он прикидывался, будто сыт, чтобы обмануть Сверчка.

На следующий день Янда остался дома, а Сверчок погнал корову на пастбище и намаялся с нею, как вчера Янда, а Янда намучился, как прежде Сверчок. И тот и другой надеялись отдохнуть, но не тут-то было! Когда Сверчок вечером пригнал корову, он уж и на себя не был похож, да и Янда – тоже. Оба так намаялись, что и говорить не могли. Только ночью, на отдыхе, разговорились по душам и во всем друг другу признались.

– Видно, брат, – говорит Янда, – эта бабка не простая, она не только хлеб жевать умеет. Тут дело нечисто. Здесь мы с тобой надорвемся и потеряем здоровье, и бог весть что еще она над нами сделает. Давай-ка лучше завтра же уйдем прочь отсюда.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Наутро встали, просят бабушку отпустить их; больше, мол, не хотят работать. Старуха и говорит:

– Ну, ребятки, насильно вас заставлять я не могу, обождите маленько, пока будет готов завтрак.

После завтрака дала им на дорогу краюху хлеба и заплатила три венских. Третий венский нечем было разменять. Они решили поделить деньги потом, когда еще заработают, а пока Яндала взял их на хранение. Поблагодарили они старуху и отправились дальше. Через несколько часов выбрались они из леса и увидели вдаль большой богатый город. Решили пойти туда. У самых городских ворот Сверчок сказал:

– Задумали мы с тобой пойти в город, а что мы будем там делать, об этом и не подумали. Мы знаем только свою крестьянскую работу; а я слышал, что в больших городах такая работа не нужна. Захотим есть–что делать будем?

– Не беда, – отвечает Яндала, – выдадим себя за гадалщиков и заживем припеваючи.

– Да что это ты вздумал! – удивился Сверчок. – Ведь мы ничегошеньки в ворожбе не смыслим.

– Смыслим или не смыслим, – отвечает Яндала, – а гадалщиками назваться надо. Будем помогать друг дружке как сумеем и проживем без забот и хлопот.

И пошли новые гадалщики в столичный город. Как раз за несколько дней до этого царевна потеряла драгоценный перстень. Царь велел объявить, что кто этот перстень найдет и царевне вернет, получит большую награду. Повсюду объявили, но никто не возвращает перстня. В это время дошел до царя слух, что в столицу пришли какие-то неизвестные люди, хвалятся, что умеют ворожить. Царь велел призвать их и спрашивает: возьмутся ли они угадать, кто нашел перстень царевны?

– Охотно послужим тебе, царь, – говорят гадалщики, – но задача трудная; дай нам две недели сроку на раздумье.

Царь согласился подождать две недели, да еще дал им квартиру в своем царском дворце, пищу со своего стола и приставил к ним двух слуг. Но при этом все же намекнул, что, если гадалщики вздумали обмануть его, он велит отрубить им головы.

Гадалщики согласились, и их провели в комнату.

Когда остались они одни, Сверчок начал сетовать и упрекать Яндалу: к чему вздумал выдавать нас за гадалщиков? Теперь, дескать, можем жизни своей лишиться, на кого же мы жен наших оставим?

– Глупо ты рассуждаешь, Сверчок, – говорит Яндала, – лучше нам хорошо пожить четырнадцать дней, а потом умереть, чем всю жизнь маяться, в поте лица своего хлеб добывать и с голоду подыхать. О женах наших господь бог позаботится. А над тем, как нам выполнить свою задачу, и вовсе голову не ломай – ведь знаешь наверняка, что не угадаем. Зачем об этом думать! Поживем четырнадцать дней в роскоши, а потом придет конец и радостям и тягостям!

– По-моему, не так, – говорит Сверчок, – лучше всю жизнь промаяться и спокойно умереть, чем несколько дней хорошо жить, а потом погибнуть позорной смертью и в ад попасть!

Разговаривают они так-то между собой, а в это время слуга приносит им еду в роскошной посуде. Легкомысленный Яндала, как учуял приятный аромат кушаний, поглядел на Сверчка и, указывая на слугу, сказал:

– Вот, брат, это – первое наше благо! Слугу эти слова сильно напугали. А почему? Перстень царевна потеряла, когда ходила в уборную.

Слуга нашел его и стал рассматривать. В это время к нему незаметно подошел другой слуга и говорит:

– Это – царевнин перстень!

– Знаешь что, держи-ка ты язык за зубами, – ответил первый. – Я заплачу тебе половину того, что стоит перстень: ты будешь с деньгами, а я – с перстнем.

Они сговорились и молчали, как рыбы. Как раз этих двух слуг царь и приставил в услужение гадалщикам. Когда первый вернулся от них, второй и спрашивает:

– Ты, брат, уже прислуживал гадалщикам. Ну что, как они тебе показались?

– Плохо наше дело! – отвечает первый слуга. – Понес я им еду; только вошел в комнату, один гадалщик показал на меня и говорит: «Это – первое наше благо!»

– Знаешь что? – говорит второй. – Пойду-ка теперь я им прислуживать; сразу узнаю, догадываются они или нет.

Так он и сделал. Но как только он вошел с блюдами в комнату, Яндала опять поглядел на Сверчка и указал рукою на слугу:

– Это, – второе наше благо!

Услыхал эти слова слуга и страшно перепугался. «Мы пропали!» – думает. А на самом деле Яндала назвал вторым благом не слугу, который украл перстень, а новое блюдо. А слуги-то думали, что гадалщики знают их тайну. Договорились они между собой и пришли с повинной к гадалщикам. Подкупили их деньгами и стали просить, чтоб гадалщики их не выдавали, а повернули бы все это как-нибудь иначе. Гадалщики сразу смекнули, как да что получилось.

– Где у вас этот перстень? – спрашивает Яндала. Они показали.

– Как пройдет четырнадцать дней, – говорит Яндала, – поймайте вон того самого большого индюка и запихайте ему в глотку перстень. А остальное мы уладим. Но не вздумайте обманывать нас! Если не сделаете как велено, плохо вам будет!

С этого дня гадалщики развеселились, ели и пили сколько душе угодно.

Через две недели призывает царь их к себе и спрашивает – узнали ли они, кто нашел перстень его дочери.

– Всемиловейший царь! – молвил Яндала. – Ваша дочь, идучи по двору, сильно размахивала рукой. Перстень неплотно сидел на ее пальце, соскользнул и покатился, а индюк проглотил его. В доказательство прикажите зарезать самого большого индюка и найдете в нем перстень.

Царь приказал зарезать индюка. Перстень у него оказался в животе. Тогда царь сказал гадалщикам:

– За вашу мудрость и за то, что отыскивали перстень, оставайтесь у меня еще две недели. Ешьте и пейте сколько влезет. Через четырнадцать дней загадаю вам загадку; разгадаете – награжу по-царски, а не разгадаете – прикажу головы срубить.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Несчастные гадальщики было обрадовались, думали – уйдем отсюда и полные котомки денег унесем, а как попотчевал их царь новой загадкой, стали и стоят, будто громом пораженные. Но хошь – не хошь, из царской воли не выйдешь, пришлось подчиниться.

Опять пошли они в свою горницу и, когда остались наедине, стали сетовать на свою судьбу. Уж им ни есть, ни пить не хотелось. С мучительным страхом дожидались они четырнадцатого дня. Теперь уже и Яндада не говорил, что лучше хорошо прожить четырнадцать дней, а потом умереть, нежели всю жизнь маяться, потому что они уже считали себя богачами.

На четырнадцатый день в их горницу вошел царь, в руке он нес маленький деревянный ларчик. Когда гадальщики увидели царя, у них душа в пятки ушла от страха. Сверчок еле жив стоит, а Яндада поглядел на него, набрался храбрости, показал на ларчик и говорит.

– Клянусь, плохо твое дело, Сверчок!

– Ну, теперь вижу, что вы–настоящие ворожеи! – удивленно вскричал царь и швырнул ларчик на пол.

Ларчик раскололся, из него выскочила козявка, затрепыхала крылышками и затрещала:

– Цвырк, цвырк, цвырк!

Царь не знал, что одного из гадальщиков зовут Сверчком. Он думал–Яндада угадал, что в ларчике сидит сверчок. Он дал им много денег и отпустил.

Взвалив на спину тяжелые мешки, гадальщики поспешили к своим женам. Хоть уже смеркалось, они не искали ночлега. Но вот совсем стемнело, и нельзя было идти дальше. Нигде не видно было жилья. Чтобы ночью их не обобрали, гадальщики зашли в разрушенную церквушку, что стояла в поле близ дороги.

Отдохнули там немного и вдруг слышат шаги и людские голоса. Яндада приподнял голову и видит, что в бывшую ризницу входят вооруженные парни. Шепчет на ухо Сверчку:

– Ей–ей, брат, разбойники!

Прислушался получше и услышал звон денег.

Немного погодя разбойники ушли из церкви. Тут гадальщики вошли в ризницу, зажгли свечу и сгребли наваленные деньги в свои мешки. Потом стали шарить по сторонам, чтобы узнать, что еще украдено. Там было много разных вещей, и среди них красивые карманные часы. Яндада хотел взять их себе, а Сверчок – себе. Часы–то были одни, а ни тот, ни другой не хотел уступать. Заспорили. Сверчок разозлился:

– Ты рад все себе забрать: небось те три венских тоже себе прикарманил!

Спорили, вздорили, слово за слово–и подрались.

В это время вернулись разбойники, опять принесли награбленное добро. Только вошли они в разрушенную церковь, услышали страшный шум в ризнице. Остановились и спрашивают друг друга:

– Что там такое? Да как закричат:

– Мертвецы, мертвецы из гробов встали! – и убежали из церкви.

Атаман, чтобы подбодрить свою шайку, снова вошел в церковь и потихоньку подкрался к ризнице. Там стоял страшный грохот и было темно, потому что гадальщики в драке нечаянно перевернули свечку. Атаман просунул голову в дверь ризницы, а гадальщики все время швыряли друг дружку от стенки к стенке, пока не очутились у самой двери. Яндада чуть не упал, хотел было опереться о стену, да вместо стены схватился за атаманову шапку и скинул ее. Перепуганный атаман еле выбрался из церкви и кричит своим:

– Братцы, там сам дьявол развоевался! Гляньте–ка, и шапку с меня сшиб.

Разбойники сейчас же разбежались.

А гадальщики, навоевавшись вволю, – злоба–то у них, как водится, прошла, – подали друг другу руки, взяли свои ноши и пошли прочь.

Пришли домой. Жены обрадовались им, стали жаловаться, как без них бедствовали. А мужья рассказали, как они странствовали и как господь бог им милости послал.

Проходит время, у Яндады родилось дитячко. Чтобы прилично нарядить его к святому крещению, Яндада решил сшить ему красивый чепчик из алой шапки, которую он когда–то сбил с головы атамана. Разыскал шапку. Только начал пороть, как из нее посыпались червонцы.

– Погляди–ка, жена, погляди! – закричал он, – что нам бог послал! Купим себе дом.

Потом устроил богатые крестины, а когда жена пошла в церковь благословиться, созвал всех соседей и угостил их на славу. А чтоб деньги не разошлись, купил себе хороший крестьянский дом.